

© 2004 г. Ж. БАГАНА

МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В УСЛОВИЯХ ФРАНКО-КОНГОЛЕЗСКОГО БИЛИНГВИЗМА

Международная значимость французского языка неоспорима. Наряду с такими языками, как английский, немецкий и испанский, французский язык широко распространен во многих странах мира. Особенно ярко он представлен в бывших французских и бельгийских колониях. Своеобразие французского языка в Африке проявляется практически на всех языковых уровнях и привлекает внимание как африканских, так и европейских исследователей (А. Кеффелек, А. Нвангуна, М.М. Нгалассо, О. Массуму, В.Т. Клоков, В.М. Дебов, В.П. Хабиров). Изучение особенностей, присущих французскому языку в Африке, позволяет намного лучше познать сам язык и, с другой стороны, способно внести серьезный вклад в разработку теоретических вопросов двуязычия и связанной с ним интерференции.

Прежде чем перейти к изложению основной темы статьи – интерферирующему влиянию конголезских языков на французскую морфологию и синтаксис в условиях афро-европейского двуязычия – приведем краткий обзор основных теоретических положений, касающихся билингвизма и интерференции в условиях языкового контакта.

Изучение языковых контактов в современной лингвистике представляет собой самостоятельное направление. Как отмечает Н.Б. Мечковская, происхождение языка и его контакты с "себе подобными" – это силы, как бы спорящие друг с другом, с противоположных сторон формирующие своеобразие конкретного языка [Мечковская 2000: 169]. При этом билингвизм становится одним из важнейших условий, делающих возможным языковой контакт. Согласно классическому определению, представленному в книге У. Вайнрайха "Языковые контакты", двуязычие – это попеременное использование двух языков [Вайнрайх 1979: 22]. Причем в процессе употребления двух языков происходит взаимное наложение языковых систем, что неизбежно приводит к интерференции.

Надо отметить также, что в употреблении термина "интерференция" в современной лингвистике наблюдаются довольно существенные разногласия. Одни исследователи, вслед за У. Вайнрайхом, продолжают под интерференцией понимать любые языковые изменения, обусловленные контактом и подразделяющиеся на "заимствование при сохранении языка" и "интерференцию вследствие языкового сдвига", но признают при этом оба явления "подтипами" интерференции [Thomason, Kaufman 1988]. Другие противопоставляют интерференцию как структурное и/или семантическое изменение форм одного языка под влиянием другого прямому непосредственному заимствованию. Третьи вообще трактуют интерференцию как понятие, характеризующее исключительно процесс усвоения второго языка (то есть, собственно говоря, ограничивая его применение речевой деятельностью), а контактные изменения в речевой деятельности предпочитают обозначать термином заимствование [Appel, Muysken 1987: 82–100]. Несмотря на то, что термин "интерференция" в последние годы сузил сферу своего применения, мы предпочитаем использовать его в первоначальном "вайнрайховском" понимании как удобное обозначение для любых изменений контактного происхождения в языковой системе речевой деятельности индивида.

Изменения грамматической структуры под влиянием интерференционного фактора привлекает большое внимание ученых, в том числе исследователей европейских языков в Африке. Общее количество специфических элементов ФЯ (французского языка) в Конго, возникающих в результате контактов с местными языками и отличающих его от центрально-французского варианта, относительно невелико. В противном случае, имел бы место процесс пиджинизации, при котором "происходит изменение грамматического строя языка в сторону его изоляции, что сопровождается редукцией на различных уровнях (фонологическом, лексическом и грамматическом) в результате фрагментарного и неправильного усвоения этого языка носителями другого или других языков" [Дьячков 1987: 8]. На сегодняшний день выявление основных тенденций в эволюции грамматической системы ФЯ представляет определенную трудность, так как здесь, как и в случае с португальским языком в Африке, "степень отклонения от стандарта варьируется в зависимости от уровня использования" [Молодкин 2001: 158]. Литературный язык отличается нечастым употреблением некодифицированных грамматических особенностей, так как он ориентируется на литературную норму Франции. Напротив, разговорная речь "пестрит" подобными особенностями. Наибольшее количество изменений наблюдается в мезолекте и базилекте, иначе говоря, как и на фонологию языка, на его морфосинтаксис оказывает значительное влияние уровень образования населения. Однако фактор образованности не может быть определяющим, так как существуют нормы, характерные для всех слоев конголезского населения.

В данной статье мы будем рассматривать морфологические и синтаксические особенности конголезского варианта ФЯ, уделяя особое внимание тем явлениям, которые возникли в результате интерферирующего влияния языка киконго на французский язык. При этом, рассматривая явления морфологии и синтаксиса, мы, с одной стороны, старались выявить среди них общие, характерные как для центрально-французского, так и африканского ареалов, а с другой стороны – подчеркнуть те черты, которые определяют собственно конголезскую специфику ФЯ.

Существительное

Имя существительное представляет собой серьезную проблему в изучении французского языка. Определяя круг интересующих нас вопросов, необходимо в первую очередь отметить категории рода и числа имени существительного. Им в большей степени и будет посвящена следующая часть нашей статьи.

Чтобы выяснить все особенности существительного в конголезском варианте ФЯ, необходимо проанализировать данное явление и в языке киконго. В киконго имя существительное может иметь номинальную и вербально-номинальную базу. Номинальная база, в свою очередь, делится на два типа, согласно выполняемым функциям, – собственно номинальный и адъективный. Для того чтобы слово было закреплено за этой группой, необходим определенный префикс. Например: *buku – di-buku – le livre* "книга", *mputu – bi-mputu – la pauvreté* "бедность". Вербально-номинальная база предполагает переход глагола в разряд существительного путем его субстантивации с одновременным добавлением определенного префикса. Например: *sumba – acheter* "покупать" дает *ki-sumbi – l'acheteur* "покупатель", *bi-sumbi – les acheteurs* "покупатели". Какова бы ни была база, необходимо подчеркнуть, что африканцы привыкли к малоизменяемым формам, существенно отличающимся от структуры ФЯ. Итак, следует признать, что система существительных ФЯ сложнее, чем система банту.

Одной из основных проблем, с которыми сталкиваются конголезцы, – это проблема рода имен существительных. Род существительного во ФЯ – это лингвистический феномен, с трудом поддающийся систематизации, хотя и представленный простой оппозицией "мужской/женский". Первый маркирован, а второй нет. Существительные женского рода образуются путем вариаций формы мужского рода. Данная категоризация определяет в общих чертах понятие рода. Существует также семантическая категоризация, состоящая в двойной оппозиции "одушевленный/неодушевленный объект". "мужской/женский род". По мнению М. Брекса, родовая оппозиция не вполне логична и мотивирована, даже с учетом того, что среди одушевленных существуют отношения противопоставления пола и рода. В одной категории, вопреки морфологическим признакам, некоторые слова женского рода относятся к представителям мужского пола (*une sentinelle* "сторож" относится к мужчине). Другие слова, входя в категорию мужского рода, могут обозначать особ женского пола. Так, например, *docteur* "доктор", *mannequin* "манекенщица" применяются как к мужчинам, так и к женщинам. В других случаях, женский род соотносится с семантическим аспектом указания пола: *femme/homme* "женщина/мужчина", *monsieur/madame* "господин/госпожа", *frère/sœur* "брат/сестра" [Brekx 1977].

Род в африканских языках – явление, в корне отличающееся от рода во ФЯ. Данный вопрос рассматривался многими зарубежными учеными. Грамматическая категория рода теоретически предполагает "разделение существительных по номинальным классам, в соответствии с характерными признаками, которые проявляются в согласовании с прилагательными и аффиксами (префиксами, суффиксами)" [Dubois, Lagane 1973: 229–230]. Среди российских ученых эта проблема изучалась такими исследователями, как В.А. Виноградов, И.Н. Топорова, А.Д. Луцков, А.И. Коваль, Н.В. Охотина и других. Так, по мнению И.Н. Топоровой, соотношение рода и класса в языках банту представляет собой важную теоретическую проблему. С другой стороны, как отмечает автор, нельзя отрицать различий, существующих между родом и классом. Для родовых систем индоевропейских языков маркированным является признак соотношенности с полом (мужской – женский), одушевленность – неодушевленность, личность – неличность. Для банту признак пола является irrelevantным, в то время как здесь появляются такие признаки, как оценочность и локативность, не имеющие никакого отношения к родовым системам [Топорова 1997: 29–30]. Существительные в банту делятся на классы, исключающие понятие рода. По определению М. Гатри, для данных языков "наиболее полезным представляется определять класс как одну из отличных моделей согласования, причем реальный префикс независимого имени существительного используется как формальный знак для целой согласовательной модели" [Guthrie 1967: 343]. Распределение слов иноязычного происхождения по именным классам языков банту – процесс, в котором до сих пор нет полной ясности. Дело в том, что семантика, некогда лежавшая в основе формирования именных классов, к настоящему времени оказалась настолько размытой, что при поступлении в язык новой лексики определяющим, как правило, является ее префиксальное маркирование, при этом отсутствие именного префикса также считается показателем класса. Однако, несмотря на ослабленность семантического критерия, в ряде именных классов семантика выражена со всей очевидностью. Как подчеркивает А.Д. Луцков, именные классы первоначально, видимо, сохраняли семантическую однородность, и доказательством этому является ряд существительных с определенным значением, о которых заранее можно предположить, в каком классе они будут находиться в том или ином языке банту, причем форма слова может быть совсем другой [Луцков 1997: 75–76]. Мы не будем подробно описывать все именные классы банту, так как это не является задачей нашего исследования, а отметим лишь, что в киконго их насчитывают 17.

Именные классы языков банту (киконго)

1. <i>mu-kento</i>	2. <i>ba-kento</i>	<i>la femme/les femmes</i> "женщина/женщины"
3. <i>mi-ti</i>		<i>les arbres</i> "деревья"
4. <i>di-nkondi</i>	5. <i>ma-kondi</i>	<i>la banane/les bananes</i> "банан/бананы"
6. <i>ki-ntu</i>	7. <i>bi-ntu</i>	<i>l'ananas/les ananas</i> "ананас/ананасы"
8. <i>n-dilu</i>	9. <i>n-dilu</i>	<i>façon(s) de manger</i> "манера есть"
10. <i>lu-se</i>	11. <i>tu-se</i>	<i>le visage/les visages</i> "лицо/лица"
12. <i>bu-bote</i>		<i>la beauté</i> "красота", <i>la bonté</i> "добродота"
13. <i>ku-dia</i>	<i>le fait de manger</i> "прием пищи"	
14. <i>fi-(mwa)-bakala</i>	<i>un petit homme</i> "маленький человек"	
15. <i>gu-uma</i>	<i>endroit plat</i> "плоская поверхность"	
16. <i>mu-uma</i>	<i>endroit fermé</i> "закрытое пространство"	
17. <i>ku-uma</i>	<i>endroit éloigné</i> "удаленное место"	

Таким образом, пять именных классов в киконго имеют один вид префикса, а остальные соответствуют единственному и множественному числу. Как мы уже говорили, в обозначении классов в киконго отсутствует понятие рода. Если слово означает живое существо мужского или женского рода, то оно относится к определенному классу, а не к роду. Оба слова (мужского и женского рода) имеют один и тот же префикс, тогда как во французском языке каждое из них получает разный знак (артикль). Например:

mu-kento – *la femme* "женщина", *mu-bakala* – *l'homme* "мужчина", *ki-buti* – *la procréatrice* "родительница", *ki-luani* – *le combattant* "воин", *mu-kazi* – *la femme* "жена", *mu-lumi* – *le mari* "муж".

В целом представляется возможным говорить о том, что конголезец находится в ситуации двойной системы: французской, содержащей морфологические и семантические признаки рода, и системы конголезских языков, лишенных всех морфологических признаков рода, где само его понятие выражается при помощи категориального чередования (лингала *mobali/mwasi* "мужчина/женщина", суахили *bwana/bibi* "мужчина/женщина"), а для неодушевленных объектов – с помощью присоединения указанных существительных к тому, которое имеется в виду. Так, оппозиция *coq/poule* "петух/курица" во ФЯ и конголезских языках выражается по-разному

Таблица 2

Оппозиция *петух/курица* во французском языке и конголезских языках

французский	<i>coq</i>	<i>poule</i>
лингала	<i>soso ya mobali</i>	<i>soso ya mwasi</i>
киконго	<i>nsusu ya bakala</i>	<i>nsusu ya nkento</i>
	↑	↑
	<i>poule (de) mâle</i> "самец курицы"	<i>poule (de) femelle</i> "самка курицы"

В речи франкоязычных конголезцев система рода подчиняется двум тенденциям с одной стороны, соответствию нормам стандартного ФЯ, а с другой – их ревизии. Первая тенденция проявляется в речи тех, кто хорошо говорит по-французски. Дру-

гая определяет речь остальной части населения. Точнее, эта последняя сводится к замене новыми морфологическими знаками знаков стандартного ФЯ и реструктуризации правил согласования. С одной стороны, такие существительные, как *fou* "сумасшедший", *inventeur* "изобретатель", *pêcheur* "грешник", *auteur* "автор", *loup* "волк", *professeur* "преподаватель", *mineur* "шахтер" часто употребляются в форме женского рода – *foue* вместо *folle*, *inventeuse* вместо *inventrice*, *pêcheuse* вместо *pêcheresse*, *autrice* вместо *auteur*, *loupe* вместо *louve*, *professeure* вместо *professeur*, *mineuse* вместо *mineur*. С другой стороны, определяющие существительные элементы (прилагательное, артикль, местоимение) не подчиняются правилам согласования стандартного ФЯ. Разница в системах ФЯ и киконго вполне объясняет неуверенность, которую испытывает конголезец, переходя на ФЯ, где существует четкая оппозиция мужской/женский род. Данное разграничение не свойственно носителям языка киконго еще и потому, что их лингвистическое сознание базируется на понятии *фиктивного рода*. Представляется возможным подчеркнуть, что одна из основных трудностей, с которой сталкиваются конголезцы в ходе реализации французской речи, состоит в обозначении рода существительных. Часто европейцы судят превратно, не понимая, чего стбт африканцам переход на язык, не известный их предкам, и который они называют "чужой язык" (*langue d'autrui*). Для коренного француза трудно понять, почему африканец говорит *on trouve un solution* 'находят решение', *ils parlent la langue français* 'они говорят по-французски', *je veux du chèvre* 'я хочу мясо козы', *la petite frère de Papa* 'младший брат отца', *j'ai vu cette mari* 'я видел этого мужа', *pas toutes les mots correctement* 'не все слова правильны'.

В ходе заимствования французским языком лексики из киконго, существительные, как правило, принимают форму (род) соответствующего французского слова. При этом часто лексика бывает маркирована дважды – французским артиклем и конголезским префиксом. Возможно, это есть следствие влияния системы киконго, так как ему, как и всем языкам банту, свойственна редупликация. Например *lu-kuni lu-nene* – *le bois le grand* 'большое бревно'. Данная схема заложена глубоко в сознание африканцев, и потому, используя заимствования из киконго, конголезцы переносят ее в свою французскую речь: *un ki-ntunga* 'корзина' – *un panier*, где *un* – французский неопределенный артикль мужского рода при существительном *panier*, а *ki* – префикс при соответствующем слове из киконго. *Une di-kondi* 'банан' – *une banane* здесь *une* – артикль женского рода при французском слове *banane*, а *di* – префикс существительного киконго. Отметим, что подобное удвоение маркировок присуще речи всех слоев населения. Однако нельзя обойти вниманием тот факт, что артикль не может соответствовать всем значениям слова. Например, *moukanda* принимает форму артикля женского рода, так как соответствует французскому слову *une lettre* 'письмо'. Но *moukanda* может также иметь значение слов *un livre* 'книга', *un ouvrage* 'труд', которые, как мы видим, мужского рода. Как тогда определить, род какого из своих значений приобретет заимствованное существительное?

Особые проблемы возникают при употреблении обозначений профессий, не изменяющихся по родам. Нередко сами французы ошибаются при указании рода данной категории слов. Неудивительно, что африканцы совершают те же ошибки. Такие слова, как *professeur* "преподаватель", *ecrivain* "писатель", *pasteur* "пастор" в Конго при обозначении женской профессии используются с женской формой артикля, притяжательного или указательного местоимения. Во ФЯ эти слова могут быть только мужского рода, но конголезцы маркируют их в соответствии с тем, кого имеют в виду – мужчину или женщину. Например *Ma professeur enseigne bien* "моя преподавательница хорошо обучает", *c'est une bonne pasteur qui est arrivée dans notre église* "приехавшая в нашу церковь женщина-пастор – очень хорошая", *Malanda est une écrivain congolaise* "Маланда – конголезская писательница".

Случается, что в речи конголезцев род французского существительного маркируется дважды, в результате того, что само слово и детерминант воспринимаются как единое целое. Так, например, в случае с *le Larousse* артикль в понимании африканцев

неотделим от слова в связи с чем можно встретить следующую реализацию *voici votre le Larousse* ' вот ваш Лярус Или, *ce l'abbé réside a l'église Sainte-Anne* этот аббат пребывает в церкви Святой Анны . Данный феномен удивляет француза а конголезец ко всему этому относится вполне спокойно. Для большинства местного населения эти слова представляют собой неделимое целое, требующее дополнительной определяющей лексемы. Они отчасти правы так как слова синтаксически неделимы и, по мнению лингвистов, представляют собой единое синтаксическое образование, то есть номинативные форму, выполняющую в предложении синтаксическую функцию. Конголезцы, безусловно, добавляют к нему определяющее слово ошибочно, так как с синтаксической точки зрения, данное образование его уже имеет. Итак, в плане морфологии мы наблюдаем процесс агглютинации, при котором французские детерминанты и предетерминанты становятся частью существительного в языке-реципиенте, например, *l* в слове *lamulu* (лингала) "любовь", или *du* в словах *ducafe* кофе, *duthe* чай".

Что касается понятия множественности, то категория числа во французском языке представляет собой оппозицию основанную на семантическом противопоставлении единственности и множественности. Единственное число обозначает один предмет или совокупность предметов, а множественное – несколько предметов или несколько совокупностей. Множественное число имен существительных во ФЯ образуется синтетически путем прибавления к форме единственного числа окончаний *-s*, *-x* и аналитически с помощью различающихся форм артиклей *le, la/les, un une/des*, а также с помощью согласований с глаголами и прилагательными. В языках банту, как правило, числовая характеристика на формальном уровне маркируется в префиксе имени и в согласователях. В подавляющем большинстве языков формальным средством выражения является префикс. В.А. Виноградов отмечает, что "ярчайшей чертой классных систем всех типов является сопряженность именных классов с категорией числа, и не случайно наличие парных показателей, образующих комплексный знак именного класса, трактуется многими африканистами как один из диагностирующих признаков классной системы. Именно категория числа может рассматриваться как словоизменяемый грамматический компонент семантики наряду с лексическим и классификативным" [Виноградов 1997: 16].

Категория числа во ФЯ всегда сопряжена с категорией рода. Конголезец находится в ситуации тройной оппозиции: мужской/женский род, мужской род/множественное число, женский род/множественное число. И каждый раз он должен выбирать между *le/la un/une* с одной стороны, и между *le/les la/les un/des une/des*, с другой стороны. Этот выбор всегда труден, так как нужно переходить к тройной оппозиции. Оппозиции, представленные в языках банту, всего лишь оппозиции числа. Переход от одной системы к другой сопровождается изменениями в начале и в конце слова.

Что касается начала слова, то здесь речь идет о замене показателей множественности языка банту на французские показатели. Так, слово *bampangui* 'братья' в Конго может принимать формы *les mpangui* и *les bampangui*.

При формировании множественного числа конец слова в языках банту остается неизменным (*mapassa* 'близнецы'), тогда как во ФЯ к нему добавляются окончания *-s* или *-x* (*les mapassas*). Но в конголезских условиях данные окончания, как правило, прибавляются не всегда даже той частью населения, которая не умеет читать и писать на своем родном языке.

Таким образом представляется возможным выделить три типа формирования множественного числа в конголезском варианте ФЯ:

- 1) конголезский тип, состоящий в том, что французские слова образуют множественное число с помощью бантуского классного показателя: *ba-soucis* 'хлопоты',
- 2) французский тип, предполагающий добавление окончания множественного числа и соответствующего артикля к конголезскому слову *les tékés* 'представители северных племен',
- 3) комбинированный тип, объединяющий признаки двух систем – префиксы ки-конго и французский артикль – *les bateké(s)*

Наши наблюдения дают право говорить о наличии понятия *афро-французского варианта* оформления рода и числа имен существительных. *Афро-французский род* – это система, включающая двойной показатель рода, – сочетание французского артикля и африканского префикса. Так, *un dikulu* (мунукутуба) "нога" включает в себя французский артикль мужского рода *un* и африканский префикс мужского рода *di*; *un tobébisi* (лингала) "расточитель" содержит французский артикль мужского рода *un* и африканский префикс мужского рода *to*; *un misumbi* (киконго) "покупатель" – французский артикль *un* и африканский префикс *mi*.

Категория числа также характеризуется афро-французским двойным обозначением. Например, *des makulu(s)* – французский артикль и африканский префикс *ma*; *des babébisi(s)* – французский артикль *des* и африканский префикс *ba*, *des basumbi(s)* – французский артикль *des* и африканский префикс *ba*. Слова, начинающиеся с *n*, не меняются во множественном числе, а только предваряются французскими артиклями: *un ngembo* – *des ngembo* (лари, киконго) "меломаны"; *un ngoki* – *des ngoki* (лингала) "кайман"; *un ngola* – *des ngola* (мунукутуба) "сомы", *un nisambi* – *des nisambi* (киконго, лари) "музыкальные инструменты".

Одним из распространенных средств образования множественного числа во ФЯ Конго среди молодежи считается префикс *ba-*. Примечательно, что основоположником данного средства является известный конголезский певец Коффи Оломиде. Данный префикс чаще используется в тех районах, где преобладает язык лингала – Уензе, Талангай. Нередко можно услышать фразы типа: *ba filles (bafille) sont arrivées* "девушки приехали"; *ba petits (bapetit) ont pleuré* "малыши плакали". *Ba* в данном случае используется вместо французских артиклей *les/des*.

Группа французских существительных, у которых при образовании множественного числа на конце появляется *-s*, не составляют особой проблемы. Сложная ситуация складывается в случае, когда происходит изменение окончаний. Например: французские слова, оканчивающиеся на *-al*, могут во множественном числе менять свое окончание на *-aux* или на *-als* по желанию говорящего: *bocal* → *bocals/bocaux* "банки", *cheval* → *chevals/chevaux* "лошади". Слова на *-ail* в центрально-французском варианте, оканчивающиеся во множественном числе на *-ails* (кроме девяти исключений, которые заканчиваются на *-aux*), в конголезском варианте ФЯ могут факультативно оканчиваться как на *-ails*, так и на *-aux*: *corail* → *corails/coraux* "кораллы", *travail* → *travails/travaux* "работы, труды", *éventail* → *éventails/éventaux* "веера". Слова на *-on* в центрально-французском варианте, оканчивающиеся на *-s* (кроме семи исключений, имеющих в конце *-x*), в Конго оканчиваются, в зависимости от привычки говорящего, на *-s* или на *-x*: *pou* → *pous/poux* "вошь", *clou* → *clous/cloux* "гвозди". Слова, обозначающие абстрактные понятия, конголезцами, как правило, используются во множественном числе: *des bonnes ententes* "хорошие взаимопонимания, согласия", *des imprudences* "неосторожности", *des patiences* "терпения".

Прилагательное

При формировании конголезского варианта ФЯ возникает ряд трудностей, связанных с реализацией прилагательного как части речи, обозначающей признак предмета. К наиболее распространенным затруднениям относятся выбор подходящего прилагательного и его согласование с существительным.

Уточним, что во ФЯ существует большое количество средств характеристики предметов и явлений. В языках же банту представлен достаточно ограниченный набор адъективных элементов. Чтобы восполнить в своем родном языке то, что обозначается во французском, конголезец прибегает к следующим способам:

1) использование синтагмы, где дополняющее слово выполняет функцию определения:

Bakala dia toma = дословно: *un homme de beau* (вместо *un bel homme*) "красивый мужчина"; *ndumba ya kongo* = дословно: *une fille du Congo* (вместо *une fille congo* –

laise) "конголезская девушка"; *mwana wa zoba* = дословно: *un enfant de paresse* (вместо *un enfant paresseux*) "ленивый ребенок"; *mfumu ya mbi* = дословно: *un chef de mauvais* (вместо *un mauvais chef*) "плохой начальник";

2) использование слов, включающих в себя *nga* – морфему, означающую "propriétaire de, possesseur de" (владелец чего-либо); слово, как правило, предваряется соответствующим префиксом:

mu-nga ngolo = дословно: *possesseur de la force* (вместо *un homme fort*) "сильный человек"; *mu-nga nkisi* = дословно: *un homme de fétiche* (вместо *un homme féticheur*) "фетишер"; *mu-nga miangu* = дословно: *un homme de méchanceté* (вместо *un homme méchant*) "злой человек";

3) использование идеофонических выражений вместо прилагательного:

nto ye ni swi = дословно: *la rivière est très calme* "река очень спокойная"; *mu-kento ni tsioni-tsioni* = дословно: *la femme est très jolie* "женщина очень симпатичная".

Подобное использование адъективных выражений вместо собственно прилагательного нередко переносится и во французскую речь местного населения. Конголезец, вместо того, чтобы найти подходящее для описания идеи прилагательное, прибегает к перифразам. Некоторые лингвисты подобное пристрастие к перифразам объясняют естественным желанием конголезца удлинить свое предложение. Но нам представляется необходимым уточнить, что речь идет не о стилистических изменениях, а о естественной форме языка. Если подходящее прилагательное существует в родном языке, то конголезец без всяких сомнений воспользуется его переводом на французский. Следует также подчеркнуть, что подобные структуры прочно заложены в сознании конголезца и задача состоит в том, чтобы "переключить" его с языка перифраз на французскую систему.

Следующей трудностью реализации французских прилагательных, как мы уже отмечали, является их согласование с существительным в роде и числе. Чтобы определить трудности, с которыми сталкивается конголезец, необходимо сравнить данное явление согласования во ФЯ и в языках банту.

Во ФЯ качественное прилагательное согласуется с существительным в роде и числе: *un garçon paresseux/une fille paresseuse* "ленивый мальчик/ленивая девочка"; *des garçons paresseux/des filles paresseuses* "ленивые мальчики/ленивые девочки". Из приведенного примера видно, что во французском языке не только существительные, но и прилагательные маркированы числом и родом. Нередко род существительного можно узнать только по прилагательному. Например: *pois blanc/pois blanche* "белый горох/светлый вар"; *poêle grand/poêle grande* "большая печь/большая сковорода". Ни одно из указанных слов само по себе не содержит маркировки рода. И только по форме прилагательного (или по артиклю) можно определить, к какому роду оно относится. Особые трудности возникают с группой прилагательных, оканчивающихся на немое *-e* и не изменяющих свою форму в зависимости от рода.

Как было сказано выше, в языках банту согласование происходит не по роду и числу, а по классам и числу, что еще больше мешает конголезцу при переходе на французскую речь. К тому же в киконго, как и в других языках банту, существует четкая аллитеративная система, состоящая в том, что определяемое существительное и определяющее прилагательное характеризуются одним классовым показателем, который, с одной стороны, выполняет синтаксическую функцию (аллитерация), а с другой, – семантическую функцию выражения множественности: *bu-ta bu-kufi* = дословно: *le fusil le court* "короткое ружье"; *ma-ta ma-kufi* = дословно: *les fusils les courts* "короткие ружья"; *lu-se lu-néné* = дословно: *le visage le grand* "большое лицо"; *tu-se tu-néné* = дословно: *les visages les grands* "большие лица".

Аллитерация здесь вполне закономерна: она существует в дополнительных синтагмах и в глагольных выражениях. Конголезец переносит ее и в свою французскую речь, что приводит к многочисленным ошибкам, состоящим в повторении детерминант.

Некоторые случаи согласования прилагательного представляют собой несколько меньшую проблему. Например

1) случай, когда существительное стоит во множественном числе, а прилагательное при нем ошибочно ставится конголезцами в единственном: *les élèves méchant* "злой ученики" вместо *les élèves méchants* злые ученики ,

2) неверное согласование прилагательного, применяемого для обозначения особ женского пола, с существительным мужского рода, и, наоборот, с существительными женского рода неверно употребляется прилагательное для обозначения мужчин *la directrice méchant* "злой директриса" вместо *la directrice méchante* "злая директриса"; *l'auteur connu* известная автор вместо *l'auteur connu* 'известный автор ,

3) сверхкорректное согласование прилагательного с местоимением *on on est grand(e)* 'большой (большая) , тогда как во французском языке с данным местоимением прилагательное используется только в форме мужского рода,

4) ошибочное употребление прилагательного во множественном числе с *vous* и *nous* при указании на одного человека *vous êtes bonnes* 'вы хорошие' вместо *vous êtes bonne* вы хорошая",

5) ошибочное согласование прилагательного с существительным после оборота *avoir l'air* иметь вид . *les filles ont l'air heureuses* "девушки имеют счастливая вид" вместо *les filles ont l'air heureux* девушки имеют счастливый вид ,

6) согласование прилагательных, обозначающих цвет: *la lampe vert* зеленый лампа вместо *la lampe verte* зеленая лампа ,

7) согласование прилагательного с существительным, обозначающим профессию *une infirmière intelligent* образованный медсестра' вместо *une infirmière intelligente* "образованная медсестра"

8) случай с прилагательными, выполняющими функцию наречия *elle est forte gentille* вместо *elle est fort gentille* "она очень милая"

Если родной язык конголезца и влияет на подобные случаи неверного употребления французских прилагательных, то степень этого влияния крайне мала. Все это не очень распространенные случаи реализации прилагательных, и они находятся на периферии функционирования данных морфосинтаксических структур. Тем не менее, в зависимости от умения управляться с ними, можно судить о степени владения языком тем или иным африканцем.

Кроме указанных выше трудностей, возникающих в ходе реализации африканцами французских прилагательных нам представляется необходимым обратить внимание на следующее обстоятельство – место прилагательного в предложении. При переходе на ФЯ конголезец, как, впрочем и большинство африканцев, часто путается с постановкой прилагательных в нужное место предложения. Это связано с тем, что языки банту делятся на три группы:

- 1) языки, в которых прилагательное предшествует существительному
- 2) языки, в которых прилагательное располагается после существительного,
- 3) языки, где прилагательное располагается в свободной позиции

Киконго относится ко второй группе, то есть прилагательные в нем находятся в постпозиции к существительному *lu-kaya lu bueki = la feuille la jaune* 'желтый лист', *di-mpa di néne = le pain le gros* "большой хлеб" , *ma lala ma-fumba = les oranges les vertes* зеленые апельсины". Конголезец, чьим родным языком является киконго, часто не улавливает стилистических нюансов препозиции и постпозиции французских прилагательных и, как правило, ставит прилагательное после существительного

Личное местоимение

Одной из особенностей употребления местоимений в Конго является то, что конголезцы в большинстве случаев испытывают трудности с выбором места личного местоимения в предложении. В речи конголезцев можно наблюдать следующие варианты использования личных местоимений

- 1) постпозиция личного местоимения в функции дополнения *j'ai vu lui вместо je l'ai vu* "я его видел",
- 2) употребление личного местоимения между вспомогательным глаголом и причастием прошедшего времени *nous avons l'aimé* вместо *nous l'avons aimé* "он нам понравился";
- 3) опущение личного местоимения в некоторых фразах Например *n'a pas enseigné* вместо *il n'a pas enseigné* "он не преподавал",
- 4) употребление одновременно существительного и местоимения, когда местоимение, собственно говоря, наделяется функциями префикса *Becker il est sorti* вместо *Becker est sorti* "Бекер вышел",
- 5) взаимозаменяемость местоимений 3 лица *le, la* на *lui, leur* на *eux, moi* на *me* *donne-la la main* вместо *donne-lui la main* "дай ей руку", *recueille-lui chez toi* вместо *recueille-le chez toi* "прими его у себя", *communique-me* вместо *communique-moi* "связьись со мной",
- 6) употребление *se* перед невозвратными глаголами *il se mange* вместо *il mange* "он ест";
- 7) альтернативное использование в одном предложении местоимений *tu/te/vous, j'en/vous* *tu vous parles* вместо *tu nous parles* "ты нам говоришь",
- 8) факультативное согласование местоимения и его антецедента Местоимение мужского рода используется для обозначения существительного женского рода, а два местоимения, одно из которых мужского, а другое женского рода, относятся к одному существительному *ma sœur a dit qu'il est à la maison* вместо *ma sœur a dit qu'elle est à la maison* "моя сестра сказала, что она дома", *quand elle veut acheter, il va donner de l'argent* вместо *quand il veut acheter, il va donner de l'argent* "если он хочет купить, он дает деньги"

Интерферирующим фактором данных отклонений от нормы является несовпадение систем личных местоимений во ФЯ и в киконго, а также их специфическое функционирование в предложении

Личные местоимения во ФЯ делятся на приглагольные безударные (conjoint) *je, me, moi, tu, te, toi, il, le, lui, elle, la, lui, nous, vous, ils, les, leur, elles, on, se* и ударные (disjoint) *moi, toi, lui, elle, nous, vous, eux, elles, soi*

Приглагольные местоимения употребляются исключительно с глаголом и не бывают под ударением *on nous parle* "нам говорят" Ударные местоимения отделяются от глагола запятой (паузой), дефисом или предлогом *dites-moi* "скажите мне" Как правило, они находятся под ударением

Французская система личных местоимений, выполняющих столь различные функции, часто представляет для конголезца проблему, так как его родной язык отличается более простой системой личных местоимений В киконго, как и в других языках банту, также выделяются приглагольные безударные местоимения

n, lu-, u-, lu-, ba-

и ударные местоимения

me nge yandi beto, beno, bau

Но, в отличие от французского, приглагольное местоимение в киконго, как правило, сопровождается соответствующим ударным местоимением, которое в предложении играет роль экспансионального подлежащего

yandi u-zakale = lui, il est assis "он сел",

mé n-télamané = moi je suis debout "я встал"

В данных примерах ударные местоимения лишены своей эмпатической функции и входят в нормальную структуру предложения Ударные местоимения не используются в том случае, если в роли подлежащего выступает существительное, тогда как приглагольные местоимения входят в глагольную структуру и сохраняются в предложении даже при наличии в нем подлежащего-существительного Самым естественным образом франкоязычные конголезцы переносят данную схему в свою речь

на французском языке. Например: *la fille elle est blessée* "девочка ранена"; *les cahiers ils sont tombés* "тетради упали".

Грамматические особенности конголезского варианта ФЯ, относящиеся к области использования местоимений, проявляются также в своеобразном использовании указательных, притяжательных и относительных местоимений, например, в отсутствии четких различий между некоторыми формами местоимений центрально-французского варианта: форма мужского рода множественного числа *ceux* заменяется на *ce*, а *c'est-là* на *cela* и т. д. Также здесь можно наблюдать отсутствие согласования между указательным местоимением и существительным, когда указательное местоимение мужского рода неверно соотносится с существительным женского рода: *la géographie que j'ai appris aujourd'hui n'est pas celle de l'année dernière* вместо *la géographie que j'ai apprise aujourd'hui n'est pas celle de l'année dernière* "урок географии сегодня не тот, что был в прошлом году". Нередки в речи конголезцев случаи взаимозаменяемости форм *dont/que* и *dont/où* в любом контексте: *la fille que le père est maçon* вместо *la fille dont le père est maçon* "девочка, отец которой каменщик", *la maison dont je suis né* вместо *la maison où je suis né* "дом, в котором я родился"; смешение на письме форм *quoi/quel/quoique*: *quoiqu'il dit, on le croit* вместо *quoi qu'il dise, on le croit* "чтобы он ни говорил, ему верят", *quoi qu' il dise vrai, on ne le croit pas* вместо *quoiqu' il dise vrai, on ne le croit pas* "как бы он правдиво ни говорил, ему не верят".

Отметим также частое отсутствие сложных форм относительных местоимений *lequel* (м. р., ед. ч.)/*lesquels* (м. р., мн. ч.), *laquelle* (ж.р., ед. ч.)/*lesquelles* (ж. р., мн. ч.) и их обычная замена на *que* и *avec*: *la maman que je suis partie avec au marché est revenue avant moi* вместо *la maman avec laquelle je suis partie au marché est revenue avant moi* "женщина, с которой я пошел на рынок, вернулась раньше меня". Наконец, в некоторых предложениях наблюдается пропуск относительного местоимения: *tu as mangé toutes les choses on nous a acheté* вместо *tu as mangé toutes les choses qu'on nous a acheté* "ты съел все, что нам купили". Все эти преобразования происходят из морфосинтаксических моделей языка киконго и других языков банту, распространенных на территории Конго.

Глагол

Глагол – часть речи, обозначающая действие или состояние и выполняющая в предложении в основном функцию сказуемого. Присущие глаголу грамматические категории времени, залога, наклонения и т. д. показывают характер протекания действия во времени, отношение действия к его субъекту и объекту, соотношение с моментом речи, показывают действие или состояние как процесс реальный, предполагаемый, желаемый, то есть в его соотношении с действительностью.

Реализация глаголов в речи конголезцев на французском языке происходит несколько иначе, чем в центрально-французском ареале. Среди наиболее распространенных особенностей можно отметить следующие:

1) использование формы глагола 3-го лица вместо формы 1-го лица с глаголами *aller, venir, partir, avoir*: *je va* "я идет" (вместо *je vais* "я иду"), *je part* "я уходит" (вместо *je pars* "я ухожу"), что можно объяснить скорее невнимательным отношением к речи, чем интерферирующим влиянием местного языка;

2) выражение будущности при помощи структур, отсутствующих в стандартном ФЯ. Например, глагол в настоящем времени + причастие прошедшего времени: *elle va ms au monde* (вместо *elle va mettre au monde*) "она будет рожать"; или глагол в настоящем времени + глагол в настоящем времени: *on va boit* (вместо *on va boire*) "будут пить"; в киконго некоторые глаголы при спряжении не изменяют своей формы, а значение их ясно из контекста, поэтому африканец вместо того, чтобы употребить нужную форму французского глагола, подставляет ту, которая для него проще, не задумываясь о правильности; например, *boire* соответствует глаголу киконго *nia*, который в инфинитиве, в форме настоящего и прошлого времени будет выглядеть

одинаково: *tuendi tua nua* = *nous allons boire* "мы будем пить", *tua nua* = *nous buvons* "мы пьем" или *nous buvions* "мы пили";

3) по тем же причинам конголезец прибегает к инфинитиву как индикатору времени, чтобы указать на то, что действие было совершено в прошлом: *moi venir* "я приехать" (вместо *je suis venu* "я приехал"); какое на самом деле имеется в виду время можно понять только из контекста:

– *Pourquoi tu ne viens pas chez moi?* "Почему ты ко мне не приходишь?"

– *Moi venir, mais tu étais pas* "Я приходил, но тебя не было", или

– *Moi venir demain* "Я приду завтра";

4) недифференцированное употребление переходных и непереходных глаголов: *il lui a attendu*, буквально: "он ему ждал" (вместо *il l'a attendu* "он его ждал"); подобные ошибки в речи африканцев на ФЯ объясняются тем, что французские местоимения *le* "его", *la* "ее", *lui* "ему, ей" в киконго соответствуют всего одной форме местоимения *yandi*: *kélélé yandi* = *tu l'as attendu* "ты его ждал", *héni yandi* = *tu lui a donné* "ты ему дал"; отсюда путаница в использовании французских глаголов;

5) взаимозаменяемость глаголов *avoir* и *être*: *la fillette a resté triste* вместо *la fillette est restée triste* "девочка продолжала грустить" (см. ниже);

6) спряжение глаголов 3 группы по образцу спряжения глаголов 1 группы: *tu as buvé* (вместо *tu as bu*) "ты выпил", *il a voyé* (вместо *il a vu*) "он увидел"; или употребляются в инфинитиве: *je choisir ma place* "я выбирать место" (вместо *j'ai choisi ma place* "я выбрал себе место"); подобные ошибки, как правило, зависят от уровня образования говорящего, от ситуации общения, от социального статуса, и не обусловлены интерференцией со стороны местных языков;

7) употребление без дополнения таких глаголов, которые в стандартном ФЯ требуют дополнения: *une fille doit savoir préparer* "девushка должна уметь готовить" (вместо *une fille doit savoir préparer le repas* "девushка должна уметь готовить еду"). Дело в том, что многозначный французский глагол *préparer* соответствует глаголу киконго *lamba*, имеющему исключительно одно значение "готовить еду";

8) и наоборот, передача одним глаголом таких значений, для выражения которых в стандартном ФЯ необходимы различные глаголы. Так, например: глагол *allumer* "зажигать, поджигать" у конголезца ассоциируется с родным глаголом *namisa*, который, помимо значений "зажигать огонь, лампу", имеет множество других: *namisa la télévision, la radio, la voiture, l'avion, la machine* и т.д. По аналогии с этим африканским глаголом французский глагол начинает использоваться подобным образом: *allumer la télé* "зажечь телевизор" (вместо *mettre en marche la télé* "включить телевизор"), *allumer la voiture* "зажечь машину" (вместо *mettre en marche la voiture* "завести машину"). Подобное интерферирующее влияние конголезских глаголов на использование французской лексики – довольно частое явление в речи местного населения на французском языке;

9) использование неодушевленных существительных с глаголами, употребляемыми, как правило, с одушевленными существительными: *on a assaini le professeur* "профессора увоили (очистили)"; как правило, это происходит с теми глаголами, конголезские аналоги которых допускают подобное употребление;

10) возникновение вербально-номинальных категорий: *travail... travail beaucoup, pas dormir*, буквально: "работа... работа много, не спать" вместо *il faut travailler au lieu de dormir* "нужно работать, а не спать"; здесь явно видно влияние киконго, в котором роль подлежащего, дополнения и сказуемого могут выполнять большое количество лексем. Представляется возможным говорить о скрытом различии номинальных и вербальных элементов как в киконго, так и в элементарном французском;

11) одновременное использование двух прямых или косвенных дополнений: *demande le professeur la permission* "спросить преподавателя разрешения" (вместо *demande la permission au professeur* "спросить разрешение у преподавателя"); неверное использование дополнений с глаголами основывается на том, что в киконго не существует четкого разграничения "прямое/косвенное дополнение", поэтому нередко можно услы-

шать *j'ai acheté papa une veste* "я купил папа пиджак" от киконго *ntumbidi tata nzaka* (вместо *j'ai acheté à papa une veste* "я купил папе пиджак"); *j'ai apporté ma femme l'huile de palme* "я принес моя жена пальмовое масло" от киконго *néti mafuta mukazi* (вместо *j'ai apporté à ma femme de l'huile de palme* "я принес моей жене пальмовое масло"). Ошибки в использовании дополнений наиболее часто проявляются в базилекте и мезолекте и не представляют большой проблемы. Нам думается, что они являются результатом особенностей менталитета и невнимательного отношения к своей речи;

12) для конголезского варианта ФЯ характерно также плеонастическое употребление некоторых глаголов, например: *sortir à l'extérieur* "выйти наружу", *se rencontrer avec* "встретить с кем-либо", *suivre derrière* "следовать сзади". Здесь вряд ли стоит говорить о конголезской особенности использования глаголов, так как подобные ошибки встречаются и в речи настоящих французов; но нередко такое плеонастическое употребление глаголов связано с процессом калькирования из местных языков, так, например, конголезское выражение *nduka ku mbazi* дословно соответствует французскому *sortir à l'extérieur*, *buabwana na*, буквально *se rencontrer avec*, где *na* = *avec* – обязательная часть выражения;

13) устойчивые выражения, такие, как *il y a*, *y en a* (в том числе девазализированный вариант *y a n a*) комбинируются не только с существительными, но и с прилагательными и даже с глаголами: *y en a frères* "есть братья", *y en a content* "доволен", *y en a venir* "пришел, приехал", хотя, согласно нашим наблюдениям, данный оборот не очень распространен в речи образованной части конголезского населения.

В нашей работе мы не можем не обратить внимание на особенности употребления французских глаголов *avoir* и *être* с семантическим значением "иметь" и "быть". Глагол *être* во французском языке, не являясь вспомогательным, выступает в качестве глагола-связки, устанавливающего отношения между подлежащим и относящимся к нему существительным или прилагательным: *je suis grand* "я (есть) большой", *vous êtes grands* "вы (есть) большие", *elles sont grandes* "они (есть) большие". Из примера видно, что местоимение и прилагательное согласуются в роде и числе: местоимение множественного числа женского рода автоматически предполагает, что прилагательное будет в форме множественного числа и женского рода. Для конголезца, привыкшего к неизменяемым прилагательным, тяжело воспринимать французскую систему согласования. Особенно трудно ему осуществлять согласование не по грамматическим правилам, а по смыслу, например, в зависимости от того, какого пола говорящий: *je suis grand* или *je suis grande*. Ситуация осложняется тем, что в языках банту глагол-связка и прилагательное не изменяются ни в роде, ни в числе, а их согласование происходит согласно классовой системе. Например, в лингала *na zali mabé* = *je suis mauvais(e)* "я (есть) плохой(ая)", *ba zali mabé* = *ils/elles sont mauvais(es)* "они (есть) плохие", *to zali mabé* = *nous sommes mauvais(es)* "мы (есть) плохие", *bo zali mabé* = *vous êtes mauvais(es)* "вы (есть) плохие". Как видно, глагол-связка и прилагательное в африканских выражениях не изменяются, меняется лишь местоимение. Африканец, переходя на французскую систему, где варьируются все три составляющих: местоимение, глагол-связка и прилагательное, – вполне естественно делает ошибки согласования в роде и числе.

Что касается переходного глагола *avoir*, то он во ФЯ требует прямого дополнения *elles ont un téléphone* "у них есть телефон (они имеют телефон)", *tu as un stylo* "у тебя есть ручка (ты имеешь ручку)".

Вопросы, связанные с реализацией французских глаголов *être* и *avoir* в языках банту, уже привлекали внимание лингвистов. В частности А. Кагама в своей книге исследует вопросы употребления *être* в функции связки и сказуемого. Он отмечает, что значение глагола *être* в банту передается при помощи корней *li* и *ba*, не уточняя их происхождения [Kagame 1976 94–100].

С точки зрения точной лингвистики, наиболее точно описать природу и функции данного глагола в рамках индоевропейских языков и за их пределами удалось Э. Бенвенисту

Être в функции глагола-связки и глагола, означающего "наличие, существование", – лексема более пригодная для выражения существования, чем объединения. *Avoir* может быть подвергнут анализу только в отношении к *être*, так как это два взаимодополняющих вспомогательных средства. Их лексические значения не сильно отличаются: они оба означают состояния. Однако *être* – это глагол существования, а *avoir* – это глагол наличия. *Être* выражает внутреннюю связь присутствия или существования, тогда как между двумя словами, соединенными при помощи *avoir*, связь внешняя, связь между владельцем и тем, чем он владеет [Benveniste 1966: 187–207].

Ж.-П. Макута-Мбуку в свою очередь отмечает, что в языках банту, для выражения понятий *avoir* и *être* используется всего один глагол, а различение их происходит лишь на уровне синтаксиса [Makouta-Mboukou 1973: 207]. В целом, бантуские языки образуют глагол, соответствующий *avoir*, путем добавления к *être* суффиксов со значением *avec* 'с'.

Рассмотрим данное явление на примере некоторых выражений из языка киконго.

1) значение *avoir*:

дополнение	глагол	личное местоимение	примеры
<i>kintu</i>	<i>ki-e</i>	<i>na-a-ni</i>	<i>j'ai un ananas</i> "у меня есть ананас"
<i>kintu</i>	<i>ki-e</i>	<i>na-aku</i>	<i>tu as un ananas</i> "у тебя есть ананас"
<i>kantu</i>	<i>ki-e</i>	<i>na-andi</i>	<i>il/elle a un ananas</i> "у него/нее есть ананас"
<i>kantu</i>	<i>ki-e</i>	<i>na-eto</i>	<i>nous avons un ananas</i> "у нас есть ананас"
<i>kintu</i>	<i>ki-e</i>	<i>na-eno</i>	<i>vous avez un ananas</i> "у вас есть ананас"
<i>kantu</i>	<i>ki-e</i>	<i>na-au</i>	<i>ils/elles ont un ananas</i> "у них есть ананас"

2) значение *être*:

прилагательное или существительное	глагол-связка	личное местоимение	примеры
<i>ki-muntu</i>	<i>ki-e</i>	<i>na-a-ani</i>	<i>Je suis honnête</i> "я честный"
<i>ki-muntu</i>	<i>ki-e</i>	<i>na-aku</i>	<i>tu es honnête</i> "ты честный"
<i>ki-muntu</i>	<i>ki-e</i>	<i>na-a-ndi</i>	<i>il/elle est honnête</i> "он честный/она честная"
<i>ki-muntu</i>	<i>ki-e</i>	<i>na-eto</i>	<i>nous sommes honnêtes</i> "мы честные"
<i>ki-muntu</i>	<i>ki-e</i>	<i>na-eno</i>	<i>vous êtes honnêtes</i> "вы честные"
<i>ki-muntu</i>	<i>ki-e</i>	<i>na-au</i>	<i>ils/elles sont honnêtes</i> "они честные"

Из данных таблиц видно, что там, где во ФЯ используют два глагола, в киконго ограничиваются всего одной вербальной формой *ki-e*. Отсюда ошибки во французской речи конголезцев: *j'ai beau* вместо *je suis beau* "я красивый", *il a gentil* вместо *il est gentil* "он милый". Однако следует отметить, что глаголы *être* и *avoir* имеют разные формы, в соответствии с формой префикса существительного или прилагательного, выступающего в роли дополнения или составной части сказуемого. Еще одно отличие киконго относительно ФЯ заключается в порядке слов в предложении: дополнение и составная часть сказуемого всегда стоят в начале предложения. Например: *lu-nungu lu-e na-a-ni = piment j'ai* "перец у меня есть"; *lu-zolo lu-e na-a-ani = amoureux je suis* "влюблен я есть"; *buwa bu-e na-a-ni = un champignon j'ai* "гриб у меня есть", *bu-mputu bu-e na-a-ani = pauvre je suis* "бедный я есть". И хотя в языке лингала порядок слов в предложении совпадает с французским, два описанных нами понятия

выражаются одним и тем же глаголом – *zali*: *Na zali mabé* = *je suis mauvais* "я плохой", *o zali na kitunga* = *tu as un panier* "у тебя есть корзина".

Характерной особенностью конголезской реализации французских глаголов является добавление к ним префиксов лингала, которые могут быть маркерами либо инфинитива, либо времени. Например, в глаголе *ko-lancer* (*kolancer*) префикс *ko-* признак ближайшего будущего: *a ko-lancer des vêtements* = *il va acheter des vêtements* "он собирается купить одежду"; *ba ko-lancer des vêtements* = *ils vont acheter des vêtements* "они собираются купить одежду"; суффикс *zo-* признак настоящего времени: *a zo-lancer* = *il achète des vêtements* "он покупает одежду", *ba zo-lancer des vêtements* = *ils achètent des vêtements* "они покупают одежду". Префикс перед существительным, продублированный перед глаголом, дает значение прошедшего времени: *ba filles ba nager* = *les filles ont nagé* "девочки плавали".

Служебные слова

Служебные слова не выполняют номинативную функцию, то есть не являются названиями предметов, признаков, процессов, а служат для выражения отношений между явлениями действительности, названными знаменательными словами, и употребляются только в соединении с последними. Не обладая номинативной функцией, служебные слова не являются членами предложения, а используются как формально-грамматические средства связи. К служебным словам французского языка относятся предлоги, артикли, союзы. Что касается данного разряда слов в языках банту, то он включает в себя более широкий класс слов: наречия, предлоги, союзы, междометия, частицы и др.

Одной из самых серьезных проблем, с которой сталкиваются конголезцы при изучении ФЯ, является использование артикля. При этом особую сложность для них представляет партиитивный (частичный) артикль, который в их речи часто меняется на определенный. Все дело в том, что в большинстве африканских языков категория партиитивности передается при помощи уменьшительных частиц, и в устной речи трудно отличить партиитивность от уменьшительного значения. Именно в этом состоит трудность использования конголезцами частичного артикля во французской речи. Например: *je mange la viande* вместо *je mange de la viande* "я ем мясо"; *il a bu trop de l'eau* вместо *il a bu trop d'eau* "он выпил много воды".

В речи местного населения имеет место также смешение слитного артикля множественного числа *des* и предлога *de*. Фраза *un père des enfants* вместо *un père d'enfants* "отец детей" весьма характерна для конголезского варианта ФЯ.

Что касается противопоставления "определенный/неопределенный артикль", то среди местного населения оно носит факультативный характер: *seuls des petits réagissent ainsi* вместо *seuls les petits réagissent ainsi* "только маленькие себя так ведут", *apporte des habits qui sont sur la chaise* вместо *apporte les habits qui sont sur la chaise* "принеси одежду, которая на стуле".

ФЯ в Конго также свойственны конструкции без артикля, в тех случаях, когда он обязателен в центрально-французском варианте. Так, в выражении типа *chambre clients* мы наблюдаем опущение артикля *des* – *chambre des clients* "комната для клиентов". Или: *Recteur est en réunion* вместо *le Recteur est en réunion* "ректор на собрании". И наоборот, там, где в центральном варианте нет артикля, во ФЯ Конго он может появиться: *en cas d'un doute* вместо *en cas de doute* "в случае сомнения".

Одну из типичных особенностей речи франкоязычного населения Конго составляет использование определенного артикля перед именами собственными: *Venez au stade applaudir les Wava, les Lofombo, les Mutumbilé* "приходите на стадион поддержать Вава, Лофомбо, Мутумбиле" (известно, что в французском языке Франции определенный артикль множественного числа перед именами собственными возникает только в случае, если речь идет о членах известных фамилий).

Согласно общепользовательским правилам, артикль используется с неисчисляемыми существительными, чтобы показать, что речь идет о части или о некотором количестве данного предмета или вещества. Во ФЯ Конго артикль часто ошибочно употребляется как с неисчисляемыми, так и с исчисляемыми существительными. Примером может служить фраза *donne-moi du crayon* "дай мне карандаш".

В плане морфологии наблюдается процесс агглютинации, при котором французские детерминанты и преддетерминанты становятся частью существительного в языке-реципиенте, например, артикль *l'* в слове лингала *lamulu* "любовь", или в существительных санго *ducafé* "кофе", *duthé* "чай" [Хабилов 1999].

Среди типичных ошибок необходимо также отметить путаницу с формами *de* и *du*. Так, например, *de* используется вместо *du*: *Nous restons tout près de Consulat d'Italie* "мы находимся рядом с итальянским консульством". Противоположное явление мы наблюдаем в отрицательных конструкциях. В стандартном ФЯ перед прямым дополнением при полном отрицании используется только предлог *de*. При неполном отрицании могут употребляться формы *du*, *de la*, *des*. Среднему конголезцу трудно уловить разницу полного и неполного отрицания, так как в его родном языке нет подобного явления. В киконго отрицание выражается при помощи частицы *ko*: *ka ndiena na mbongo ko* "у меня нет денег" и *ka ndiena na mbongo ko za lossa* "у меня нет денег, чтобы зря тратить". Как видно из примера, и в первой фразе, содержащей полное отрицание, и во второй, содержащей неполное отрицание, присутствует частица *ko*. Данную схему конголезцы переносят и на французскую речь: *je n'ai pas de l'argent* "у меня нет денег" и *je n'ai pas de l'argent pour le gaspiller* "у меня нет денег, чтобы их зря тратить".

К следующим случаям специфического употребления артикля можно отнести использование определенного артикля вместо его слитной формы: *il faut que je m'arrange le début de la soirée de faire ça* вместо *il faut que je m'arrange au (à + le) début de la soirée de faire ça* "мне нужно подготовиться сделать это в начале вечера"; также не свойственное ФЯ Франции влияние формы артикля на значение выражения.

Оппозиция "определенный/неопределенный артикль" в конголезских условиях принимает некоторые характерные только для данных условий черты. Например: *il a la tête* означает *il a mal à la tête* "у него болит голова"; *il a une tête* имеет значение "il est intelligent" ("он умный"). Противопоставление "определенный/неопределенный артикль" присуще, как правило, выражениям, содержащим названия соматизмов. При этом наблюдается изменение основного значения знаменательного слова. В данном примере неопределенный артикль представляет слово в его более общем значении. Что же касается определенного артикля, то он в данной ситуации придает слову специфическое значение, отличающееся к тому же пейоративным оттенком.

Следующей важной чертой ФЯ Конго представляется своеобразное обозначение притяжательности. Вместо притяжательного местоимения перед существительным африканцы используют различные аналитические формы, включающие предлоги *à*, *de* + ударное местоимение: *les oncles à moi* "мои дяди", *la chemise de nous* "наша рубашка", *la banane de toi* "твой банан" и т. д. Правильное выражение притяжательности является проблемой не только конголезцев, но и всех африканцев. В языках банту в подобных синтагмах дополнение может быть выражено как существительным, так и местоимением. Например, в киконго: *kikuti kia beto – l'habit de nous* "наша одежда", *dimpa dia nge – le pain de toi* "твой хлеб", *matanga ma beno – la fête de vous* "ваш праздник". Причина подобного выражения притяжательности лежит в том, что в языках банту притяжательные морфемы находятся в постпозиции к существительному, которое они определяют, тогда как во французском языке они ему предшествуют. Отсюда разница между ФЯ и киконго, которую иллюстрирует следующий пример: *mon arbre* "мое дерево" на киконго выглядит так: *mu-ti yu-a-ni* (буквально *arbre de moi*). Данную конструкцию африканец переносит во французскую речь. В частности, Ж.-П. Макута-Мбуку отмечает, что африканцы, изучающие французский язык, вместо того, чтобы

создавать правильные французские предложения, просто делают кальку с родного языка [Makouta-Mboukou 1973: 182].

Среди прочих особенностей, касающихся служебных слов, необходимо отметить более частое, чем в стандартном ФЯ, использование указательной частицы *là*, которая применяется для обозначения как удаленного объекта, так и расположенного поблизости: *c'est l'homme-là* "тот (этот) человек". Французский литературный язык предполагает четкое разграничение между формами *ce, cet (le) ...là, cette ...ci/là, ces – ci/là*. Разговорный же язык франкоязычных конголезцев сводит все формы к одной – *là*: *La femme là que tu vois est la femme du patron* "женщина, которую ты видишь – жена хозяина". В некоторых случаях, когда речь идет о приближенном объекте, *là* может быть заменено на *ici* "здесь", хотя семантически эти две формы почти не различаются между собой: *l'amici ici que tu vois est mon homme de confiance* "человек, которого ты видишь, – мой близкий друг".

В киконго, как и в других языках банту, имеется небольшое, по сравнению с ФЯ, количество предлогов. Несоответствие системы предлогов во ФЯ и киконго приводит к некодифицированному употреблению французских предлогов или к их опущению. Рассмотрим следующий пример: *nata tama ki-nkui* – дословно: *apporte taman un habit* вместо *apporte à taman un habit* "отнеси маме одежду". В предложении на киконго отсутствует предлог, поэтому конголезец не считает нужным употреблять его и во французском варианте фразы. Это объясняется тем, что в центрально-французском варианте выражение обстоятельства места или направления движения происходит с помощью нескольких предлогов (*à, de, chez, pour, en*), а в киконго им соответствует всего один предлог – *ku*: *je vais ku village – je vais au village* "я иду в деревню". Опущение или неправильное использование предлогов может проявляться и в других ситуациях, например, когда предлог выполняет связующую функцию. Ср., *lamba bigia* – дословно: *préparer manger* вместо *préparer à manger* "готовить еду".

Некоторые синтаксические особенности французского языка в Конго

В данном разделе рассматриваются некоторые частные особенности грамматического употребления частей речи как под влиянием местных языков, так и в результате специфического хода развития ФЯ на территории Конго.

Кроме описанных выше случаев, специфика морфосинтаксиса ФЯ в Конго проявляется на уровне отрицания. В литературном французском языке полное отрицание реализуется при помощи отрицательных частиц *ne – pas/point, jamais, plus, guère*. Наиболее распространенной ошибкой конголезцев в отрицательном предложении является опущение первой отрицательной частицы, таким образом, выражение содержит всего один элемент отрицания. Однако необходимо уточнить, что подобное отклонение встречается не только на территории Конго, но и в речи самих французов. Например, *je sais pas* вместо *je ne sais pas* "я не знаю", *j'aime pas* вместо *je n'aime pas* "мне не нравится, я не люблю". Утверждать, что эти ошибки связаны с особенностями системы отрицания в родном языке говорящего, нам представляется не вполне правомочным. В языках банту существуют две системы – двойного и одинарного отрицания. В киконго, в частности, присутствуют два элемента отрицания – *ka(ke)...ko*, окружающие глагол: *mwana ka dididi ko = l'enfant n' a pas pleuré* "ребенок не плакал". Кроме того, по мнению Дж. Холма, двойное отрицание присуще языку эве, а также ряду языков группы ква [Holm 1992: 57]. А в лингала наблюдается единое послеглагольное отрицание *te*: *na lobi te = je n'ai pas parlé* "я не говорил". С прагматической точки зрения единое послеглагольное отрицание практически приравнивается к двойному. Эти два вида отрицания вполне могут влиять на отрицание в речи франкоязычных конголезцев. Однако в собственно французском просторечии опущение первого элемента глагольного отрицания – распространенное явление.

Следующая ошибка состоит в использовании отрицательных частиц в предложении, содержащем такие слова, как: *aucun, personne, rien* и т.д. Например: *personne*

n'est pas venu вместо *personne n'est venu* "никто не пришел", *aucun n'a pas pu assister à la réunion* вместо *aucun n'a pu assister à la réunion* "никто не смог присутствовать на собрании". Для речи конголезцев характерна взаимозаменяемость *pas* и *plus* во всех контекстах, а также использование отрицания как в начале предложения, так и в конце: *Tu parles? – Non, non, je parle pas* или *Je parle pas, non, non*. "Ты говоришь? – Нет, я не говорю". Отрицание, появляющееся в той или иной мере в мезолектной форме французского языка Конго характерно для ряда языков банту, находящихся в контакте с французским языком.

В киконго, как и в других языках банту, четко представлено явление реду п л и к а ц и и, то есть двукратное повторение слов, которое может означать множественность или собирательность, интенсивность или увеличение, продолжение или завершение, а также диминутивность. Редулицироваться могут глаголы, существительные, прилагательные и наречия. Эти характерные для конголезцев дуплетные формы легко переносятся во ФЯ, придавая ему особый местный колорит. Так, например, редупликация наречия *kala* "давно" (лингала) придает ему значение интенсивности: *kala-kala* "очень давно"; интенсивностью также отмечена редулицированная форма прилагательного *ntueni-ntueni* (киконго) "очень молодой"; как ответ на вопрос *buboté wena?* "как дела?" удвоенное прилагательное *fioti* "маленький" приобретает значение "неплохо, понемногу". Относительно глагола редупликация может выполнять функции передачи интенсивности и быстроты действия, а также его непрерывности и постоянной повторяемости: *dia-dia, tangu i fueni* "кушай-кушай быстрее"; *boma boma, nzoko a ye* "слон очень быстро приближается".

Отметим, что явление редупликации распространено, главным образом, в народно-разговорной речи, а также в прессе и художественной литературе. Франкоязычный конголезец переносит его и во французскую речь. Так, можно услышать: *béni-oui-oui* "соглашаюсь", *mal-mal* "очень плохо", *petit-petit* "очень маленький", *trouver-trouver* "долго искать" и т.д.

Правильная реализация французской речи зависит, прежде всего, от степени владения языком и от уровня образования, поэтому, как указывает С. Нсьяль, опущение союзных слов в сложноподчиненных предложениях характерно именно для мезолектной и базилектной разновидностей языка [N'Sial Sesep 1993: 101]. В частности, опущение союза *que* происходит в дополнительных придаточных предложениях: *il a dit, il arrive demain* вместо *il a dit qu'il arrive demain* "он сказал, что приезжает завтра"; в придаточных предложениях следствия: *l'enfant a cessé de pleurer il n'y a pas de bruit* вместо *l'enfant a cessé de pleurer parce qu'il n'y a pas de bruit* "ребенок перестал плакать, потому что прекратился шум"; в придаточных предложениях подлежащего: *il faut l'on travaille* вместо *il faut que l'on travaille* "нужно, чтобы он работал"; в придаточных определенных предложениях: *il n'a pas voulu acheter il a demandé au vendeur* вместо *il n'a pas voulu acheter ce qu'il a demandé au vendeur* "он не захотел покупать то, что попросил у продавца". В данном случае на правильность французской речи также оказывают влияние и местные языки.

Среди прочих особенностей следует отметить специфику вопросительного предложения. Французское вопросительное предложение образуется при помощи инверсии подлежащего, постановки вопросительного слова в начале или в конце фразы. В большинстве случаев конголезцы не соблюдают указанных правил, так как в местных языках подобные явления отсутствуют, и прибегают к просодическим средствам. Например, в киконго: *mwana sékélé = l'enfant dort? (est-ce que l'enfant dort)* "ребенок спит?"; *beno luisidi = vous êtes venus?* "вы пришли?"; в лингала: *bo-sombi ndako = vous avez acheté une maison?* "вы купили дом?"; *ndéko a ké = l'ami est parti?* "друг ушел?". Но конголезец никогда не скажет *l'enfant dort-il?, êtes-vous venus?* или *avez-vous acheté une maison?* Инверсия подлежащего – это такая особенность французского языка, которая не свойственна речи франкоязычных африканцев. Они часто используют конструкцию *est-ce que: est-ce que l'école est finie?* "уроки закончились?", но никогда не скажут *l'école est-elle finie*, скорее им свойственно выражать вопрос при

помощи восходящей интонации. Но случается, что конголезец, желая продемонстрировать свою компетенцию во ФЯ, ошибочно прибегает к употреблению конструкции *est-ce que* + инверсия: *est-ce que le marché a-t-il commencé?* "рынок уже работает?" (суперкоррекция). Это явление можно наблюдать не только в мезолекте и базилекте, но иногда и в акролекте.

Укажем также на то, что, отвечая на вопрос, заданный в отрицательной форме, конголезец вполне естественно скажет *si* вместо *non*, хотя две эти формы во ФЯ имеют разное значение: *si* "да" (при ответе на вопрос, заданный в отрицательной форме), а *non* "нет". Например: *le boulanger n'est pas passé?* – *Si*. "Булочник не проходил? – Нет".

Наконец, укажем на путаницу, допускаемую конголезцами между словами *hier* – "вчера" и *demain* – "завтра", причиной которой является не неспособность африканцев к реализации данных понятий, а то, что в большинстве языков (лингала, в частности) будущее и прошедшее время выражаются одним словом *lobi*. Его значение определяется контекстом. Так, например: предложение *lobi na ko ya* "завтра я приеду", *lobi na zalaki na bokono* "вчера я болел", на французском могут выглядеть *hier je viendrai* "вчера я приду", *demain j'étais malade* "завтра я болел".

Во французском языке, как известно, выделяют прямую речь (*discours direct*), не-прямую речь (*discours indirect*) и не собственно прямую речь (*discours indirect libre*).

Прямая речь состоит в точной передаче слов:

Le lion dit: j'ai dévoré trois moutons «Лев говорит: "Я съел трех баранов"».

При не прямой (косвенной) речи высказывание оформляется в виде придаточного предложения:

Il a dit que la fin du monde était proche "Он сказал, что конец света близок".

Не собственно прямая речь – это промежуточный случай, который сочетает в себе признаки прямой и косвенной речи:

Papa m'a grondé: je n'ai pas nourri la volaille = Papa m'a grondé, disant que je n'ai pas nourri la volaille "Папа меня отругал: я не покормил птиц".

И хотя в языках банту также существует разделение на три формы речи, африканцы, как правило, их не всегда соблюдают, смешивая прямую и не прямую речь. Например:

nge wa tele ti mboni nikwiza = буквально: *tu as dit que je viendrais* "ты сказал, что я приду" (вместо *tu as dit que tu viendrais* "ты сказал что ты придешь").

Данная конструкция вполне естественна для киконго и является одной из причин ошибок типа:

Mon frère m'a demandé qu'est-ce que tu as? (вместо *Mon frère m'a demandé: qu'as-tu?*) «Мой брат спросил: "Что с тобой?"».

* * *

Как показал проведенный анализ, интерферирующее влияние языков банту, в частности киконго, на морфосинтаксическом уровне в той или иной степени затрагивает многие, если не все, грамматические категории. Не представляется возможным исследовать все случаи интерференции, но рассмотренные грамматические особенности позволяют говорить о проблеме усвоения африканцами французского языка и о формировании своеобразного "конголезского" варианта языка.

Среди причин возникновения интерференции можно указать следующие:

- а) во французском языке есть некоторые явления, которых нет в африканских языках;
- б) в африканских языках есть некоторые явления, но они отсутствуют во французском языке;
- в) во французском и африканских языках есть схожие, но в то же время более или менее различные явления.

Именно эти расхождения в системах французского и африканских языков лежат в основе многих интерференций.

Отметим, что последствия интерференции происходят, как правило, в системе речи и нарушают речевую норму французского языка Франции. Но они не отражаются в системе литературного варианта французского языка Конго. С другой стороны, на уровне конголезского просторечия наблюдаются определенные сдвиги и в самой системе, так как соответствующие преобразования становятся регулярными и в рамках этого просторечия не считаются неправильными. Таким образом, под влиянием интерференции (а во многом именно в связи с интерференцией) происходит становление особого конголезского просторечия с его специфической структурой на уровне языковой системы, а не только речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вайнрайх 1979 – У. Вайнрайх. Языковые контакты. Киев, 1979.
- Виноградов 1997 – В.А. Виноградов. Введение: именные категории в языках Африки // Основы африканского языкознания. М., 1997.
- Дьячков 1987 – М.В. Дьячков. Креольские языки. М., 1987.
- Луцков 1997 – А.Д. Луцков. Именные классы в языках банту и заимствованная лексика // Основы африканского языкознания. М., 1997.
- Мечковская 2000 – Н.Б. Мечковская. Социальная лингвистика. М., 2000.
- Молодкин 2001 – А.М. Молодкин. Взаимодействие языков разного типа в этнокультурном контексте. Саратов, 2001.
- Топорова 1997 – И.Н. Топорова. Именные категории в языках банту // Основы африканского языкознания. М., 1997.
- Хабиров 1999 – В.П. Хабиров. Франко-бантуские языковые контакты в районе Браззавиля // Актуальные проблемы романистики. Саратов, 1999.
- Appel, Muysken 1987 – R. Appel, P. Muysken. Language contact and bilingualism. London, 1987.
- Benveniste 1966 – E. Benveniste. Problèmes de linguistique générale. Paris, 1966.
- Brekx 1977 – M. Brekx. Initiation à la linguistique et à la grammaire nouvelle avec des exercices et leurs corrigés. Bruxelles, 1977.
- Dubois, Lagane 1973 – J. Dubois, R. Lagane. La nouvelle grammaire du français. Paris, 1973.
- Guthrie 1967–1971 – M. Guthrie. Comparative Bantu. An introduction to the comparative linguistics and prehistory of the Bantu languages. V. 1–4. Westmead, 1967–1971.
- Holm 1992 – J. Holm. Popular Brazilian Portuguese: a semi-creole // Actas do coloquio sobre "crioulos de base lexical portuguesa". Lisbon, 1992.
- Kagame 1976 – A. Kagame. La philosophie bantu comparée. Paris, 1976.
- Makouta-Mboukou 1973 – J.-P. Makouta-Mboukou. Le français en Afrique Noire. Paris, 1973.
- N'Sial Sesepe 1983 – N'Sial Sesepe. La francophonie au cœur de l'Afrique. Le français Zaïrois. Paris, 1983.
- Thomason, Kaufman 1988 – S.G. Thomason, T. Kaufman. Language contact. Creolization and genetic linguistics. Berkeley, 1988.